

**Воспоминания
о К. Марксе
и Ф. Энгельсе**

Третье, дополненное
издание

Часть 2

Москва
Издательство
политической литературы
1988

III

П. В. Анненков
Г. А. Лопатин
Д. И. Рихтер
М. М. Ковалевский
Н. А. Морозов
Г. В. Плеханов
П. Б. Аксельрод
Н. С. Русанов
А. М. Воден
Ш. Раппопорт
Р. М. Плеханова
П. Д. Боборыкин
Ф. М. Кравчинская

Из статьи «Первые шаги
социал-демократического
движения в России»³⁷²

Систематическая пропаганда социал-демократических идей в рядах русских революционеров началась только летом 1883 г., когда в Женеве образовалась первая русская социал-демократическая группа «Освобождение Труда»³⁷³. И первым литературным произведением этой группы была брошюра автора этих строк: «Социализм и политическая борьба».

Разумеется, эта брошюра предназначалась для распространения в России, и по пути в Россию ей предстояло преодолеть все препятствия, которые русское правительство чинило (да собственно и сейчас еще чинит, несмотря на пресловутый манифест 30 октября 1905 г.) проникновению в нашу страну подобного рода литературных произведений.

Но как ни велики были эти препятствия, главное затруднение, которое новой группе необходимо было преодолеть, состояло в другом. Оно заключалось в упорной предубежденности огромного большинства тогдашних русских революционеров против всего того, что связано было с именем социал-демократии.

Эта предубежденность была хорошо известна Марксу и Энгельсу. Когда Аксельрод и я, вскоре после Парижского международного конгресса в 1889 г.³⁷⁴, в Лондоне встретились с Энгельсом, он нам сказал, что, пожалуй, было бы осторожнее с нашей стороны, если бы мы не называли себя социал-демократами. «Ведь и мы тоже, — прибавил он, — сначала называли себя не социал-демократами, а коммунистами».

Однако мы были убеждены в том, что сумеем заставить умолкнуть все клеветы против социал-демократии, распространявшиеся ее «социально-революционными» противниками. Кроме того, название социал-демократии имело в наших глазах немалое практическое значение. Если русский сознательный пролетарий будет

называть себя социал-демократом, то он легче будет понимать, что речь идет об его идейных единомышленниках, когда он будет читать в газетах об успехах социал-демократии в соседней с нами Германии. Ибо сведения об этих успехах проникали даже в находящуюся под гнетом цензуры русскую печать. Мы изложили Энгельсу наши соображения, и он нашел их основательными.

Чтобы объяснить немецкому читателю происхождение предубеждения русских революционеров против социал-демократии, я вынужден дать характеристику обоим течениям, существовавшим в нашем движении до образования группы «Освобождение Труда»³⁷³. Одно из этих течений связано с именем П. Л. Лаврова, другое — с именем М. А. Бакунина. Что касается Лаврова, то он всегда относился с большим уважением к Марксу и Энгельсу и *никогда* не выступал ни *против социал-демократии* вообще, ни против германской социал-демократии в частности. Но он *никогда* также не защищал ее от нападок анархистов. «Друг Петр», — как назвал его Энгельс в своей направленной против него статье «Об эмигрантской литературе» в газете «Volksstaat»³⁷⁵ — был эклектиком до мозга костей и не в состоянии был занять определенную позицию в происходившей в Интернационале борьбе между бакунистами и марксистами. В своей газете «Вперед!» он наивно сокрушался о том, что социал-демократы не идут рука об руку с анархистами. Эти смехотворные lamentации по поводу борьбы социал-демократов с анархистами и послужили поводом к вышеупомянутой полемической статье Энгельса в «Volksstaat».

Лавров обеими ногами стоял на почве *утопического социализма*. Его взгляд на историю был чисто *идеалистический*. В его многочисленных социалистических произведениях нет ни одной попытки дать анализ тогдашних *экономических отношений* России. Его тактика главным образом упиралась в пропаганду «*чистого социализма*». Всякая мысль о революционной пропаганде пугала его как опасное отклонение от мирной *пропагандистской деятельности*. Этой причины вместе с его неисправимым эклектизмом было совершенно достаточно, чтобы его влияние на русскую революцион-

ную молодежь быстро пришло к концу *. И по мере того, как падало влияние Лаврова, росло влияние Бакунина.

Если Лавров не считал нужным анализировать экономические отношения России, то Бакунин, признавший себя сторонником *исторического материализма*, положил этот анализ в основу своей программы и тактики. Беда была лишь та, что его анализ не имел ничего общего с материалистическим пониманием истории.

Он исходил из коммунистических инстинктов, якобы присущих русскому народу и получивших будто бы свое выражение в великорусской сельской общине. Для того, чтобы эти коммунистические тенденции имели плодотворные последствия, необходимо было только разрушить государство, которое являлось помехой на пути к дальнейшему развитию общины. Поэтому Бакунин объявил беспощадную войну государству, не делая при этом никакого различия между русским полицейским государством и «правовыми» государствами Запада. Более того: он был того мнения, что введение конституционного строя в России принесет только вред народу, так как конституционный строй расчистит путь для свободного развития *капитализма* и тем самым ослабит коммунистические стремления крестьянства.

Революционеры должны разрушить государство. Чтобы подготовить народ к разрушению государства, революционеры должны были приступить к его воспитанию в этом направлении. Лучшим воспитательным средством в глазах Бакунина являлись беспрестанная *агитация* и организация местных бунтов. Но для того, чтобы вести агитацию, нужно было исходить не из принципов «чистого социализма», пропагандой которых занимались сторонники Лаврова, а из «ближайших нужд» и «непосредственных требований» народной массы.

Эти взгляды Бакунина сделались учением народников-бунтарей, господствовавшим среди русских революционеров во второй половине семидесятых годов прошлого столетия [...]

* Тогдашние революционеры рекрутировались почти исключительно из рядов учащейся молодежи. (Прим. авт.)

Достаточно было несколько лет агитационной *практики*, чтобы от *теории* бунтарей не осталось камня на камне. Наши тогдашние революционные теоретики,— к числу которых принадлежал и пишущий эти строки,— метались в безнадежных противоречиях. Этих противоречий нельзя было преодолеть, не сломав хребта самому бакунизму.

Но это было нелегко. Русские революционеры слишком срослись со старыми теориями.

Начались усиленные попытки заштопать все проехи старой теории; с особенным увлечением занялся этим Лев Тихомиров, бывший тогда одним из выдающихся публицистов партии «Народной воли», а ныне ставший главным редактором архиреакционной газеты «Московские ведомости». Однако не все могли удовлетвориться «улучшенной» таким образом теорией. Это в особенности трудно было для тех, кто в силу своего «нелегального» положения должен был покинуть Россию и получил возможность ближе познакомиться с западноевропейским рабочим движением и западноевропейским *научным социализмом*.

К числу тех, кто находился в таком положении, принадлежали Вера Засулич — одна из основоположниц нашего терроризма, которая, однако, никогда не признавала его единственным средством борьбы,— затем П. Аксельрод, Л. Дейч, В. Игнатов и я. Каждый из нас принес с собой из России опыт, приобретенный в течение нескольких лет революционной агитации, и более или менее ясное сознание того, что этот опыт находится в резком противоречии с теорией бунтарей. Это сознание было особенно мучительно, и каждый из нас испытывал настоятельную потребность привести в порядок свои революционные идеи.

Сначала мы были рассеяны по разным странам Западной Европы; но достойно внимания то, что, как бы мы ни были удалены друг от друга,— так, например, Аксельрод жил некоторое время в Яссах, а я — в Париже,— наши умственные интересы всегда сосредоточивались в одном и том же направлении — в направлении социал-демократической теории, т. е. марксизма. Тот, кто не пережил вместе с нами то время, с трудом может представить себе, с каким пылом набрасывались мы на социал-демократическую литературу, среди ко-

торой произведения великих немецких теоретиков занимали, конечно, первое место. И чем больше мы знакомились с социал-демократической литературой, тем яснее становились для нас слабые места наших прежних взглядов, тем правильнее преображался в наших глазах наш собственный революционный опыт. Лично о себе могу сказать, что чтение «Коммунистического Манифеста» составляет эпоху в моей жизни.

Я был вдохновлен «Манифестом» и тотчас же решил его перевести на русский язык. Когда я сообщил о моем намерении Лаврову, он отнесся к нему равнодушно. «Конечно, следовало бы перевести «Манифест», — сказал он, — но вы сделали бы лучше, если бы написали что-нибудь свое». Я не торопился выступить сам и предпочел сначала перевести «Манифест».

Теория Маркса, подобно Ариадниной нити, вывела нас из лабиринта противоречий, в которых билась наша мысль под влиянием Бакунина. В свете этой теории стало совершенно понятным, почему революционная пропаганда встречала у рабочих несравненно более сочувственный прием, чем у крестьян.

Самое развитие русского капитализма, которое не могло не волновать бакунистов, так как оно разрушало общину, приобретало теперь для нас значение новой гарантии успеха революционного движения, ибо оно означало количественный рост пролетариата и развитие его классового сознания.

Last not least *: эта теория превращала в революционную заслугу то, что с точки зрения правоверного бакунизма являлось изменой революции, — именно борьбу за политические права, стремление к ниспровержению абсолютизма.

Эта теория указывала также, какие условия необходимы для успешности этой борьбы. Из нее вытекало, что абсолютизм только тогда будет обречен на смерть, когда направленное против него движение превратится в классовое движение пролетариата, которое будет более или менее энергично поддержано также движением других классов или слоев, выдвинутых ходом экономического развития на общественную арену. Та-

* — Последнее, но не менее важное. Ред.

ковы были те выводы, которые я изложил в вышеупомянутой брошюре «Социализм и политическая борьба», эпиграфом для которой я взял слова «Коммунистического Манифеста»: «всякая классовая борьба есть борьба политическая».

Впервые опубликовано
на немецком языке в газете
«Vorwärts», Berlin, 1909,
31. III, N 76

Печатается по тексту книги:
Русские современники о К. Марксе
и Ф. Энгельсе. М., 1969

дисловия обратился к Марксу и Энгельсу П. Лавров, находившийся в близких отношениях с ними (см. сборник: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967, с. 457—458). 23 января 1882 г. Маркс и Энгельс направили ему текст предисловия (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 304—305). До выхода отдельного издания цитируемое Н. Морозовым предисловие было опубликовано в газете «Народная воля» 5 февраля 1882 г. Отдельным изданием «Манифест Коммунистической партии» вышел в свет в том же году в Женеве в издании «Русской социально-революционной библиотеки». Два экземпляра этого издания были посланы Лавровым Марксу и Энгельсу. Сохранился экземпляр с дарственной надписью от издателей Энгельсу (см.: Русские книги в библиотеках К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1979, с. 112). Плехановский перевод положил начало широкому распространению идей «Манифеста» в России.— 2, 49, 52, 57, 270.

³⁶⁹ Первое русское издание «Манифеста Коммунистической партии» в переводе, приписываемом М. Бакунину, вышло в Женеве в 1869 г. По-видимому, значительная часть тиража этого издания была конфискована при попытке перевоза через границу.— 2, 49, 52.

³⁷⁰ Маркс и Энгельс имеют в виду обстановку, сложившуюся после убийства народовольцами 1 (13) марта 1881 г. императора Александра II, когда Александр III отсиживался в Гатчине из страха перед возможными новыми террористическими актами тайного Исполнительного комитета «Народной воли».— 2, 50, 52, 58.

³⁷¹ Имеется в виду программа Исполнительного комитета партии «Народная воля» (см.: Русские книги в библиотеках К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1979, с. 139).— 2, 53.

³⁷² Полностью данная статья была впервые опубликована на немецком языке в газете «Vorwärts», 1909, 31 марта, № 76, а на русском языке в кн.: Плеханов Г. В. Соч. М., 1927, т. XXIV, с. 174—182.— 2, 59.

³⁷³ Группа «Освобождение труда» — первая русская марксистская группа, основанная Г. В. Плехановым в 1883 г. в Женеве. Кроме Плеханова, в нее входили П. Б. Аксельрод, Л. Г. Дейч, В. И. Засулич, В. Н. Игнатов. Группа проделала большую работу по переводу и изданию произведений Маркса и Энгельса и другой социалистической литературы в России; установила контакты с деятелями социалистического движения других стран. Тесные дружеские связи руководители группы поддерживали с Энгельсом. (Переписку деятелей группы «Освобождение труда» с Энгельсом см. в сборнике: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967.)

Упомянутая ниже брошюра Плеханова «Социализм и политическая борьба» вышла в свет в Женеве в 1883 г. в издании «Библиотеки современного социализма».— 2, 59, 60, 66, 76.

³⁷⁴ На Международном социалистическом рабочем конгрессе 1889 г. (см. примечание 269) Г. В. Плеханов и П. Б. Аксельрод представляли группу «Освобождение труда».— 2, 59.

³⁷⁵ Имеется в виду третья статья Энгельса из серии «Эмигрантская литература», напечатанная в «Volksstaat», NN 117 и 118, 6 и 8 октября 1874 г. (см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* 2-е изд., т. 18, с. 518—526).— 2, 60.

³⁷⁶ Данный отрывок является частью статьи Г. В. Плеханова «Бернштейн и материализм», опубликованной первоначально в журнале «Die Neue Zeit» за 1898 г., № 44. На русском языке статья впервые была напечатана в 1906 г. в сборнике статей Плеханова «Критика наших критиков»; вошла в т. XI Сочинений Г. В. Плеханова и в «Избранные философские произведения» (М., 1956, т. II).— 2, 65.

³⁷⁷ Данный отрывок представляет собой извлечение из воспоминаний П. Б. Аксельрода «Группа «Освобождение труда»», опубликованных в журнале «Летописи марксизма», кн. VI. М., 1928.— 2, 66.

³⁷⁸ Изучением химии Энгельс начал заниматься до начала работы над «Анти-Дюрингом», в связи с подготовкой «Диалектики природы».— 2, 66.

³⁷⁹ Брошюру Г. В. Плеханова «Наши разногласия» Энгельс получил от В. И. Засулич в феврале 1885 г. Свое мнение об этой работе он высказал в ответном письме от 23 апреля 1885 г. (см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* 2-е изд., т. 36, с. 259—263).— 2, 66.

³⁸⁰ Имеется в виду ряд реакционных мероприятий царского правительства в 80-е гг. XIX в. в области народного образования (ликвидация университетской автономии, закрытие высших женских курсов, фактическое запрещение приема в средние учебные заведения выходцев из низших слоев населения и т. д.).— 2, 67.

³⁸¹ Имеется в виду шовинистическое движение во Франции в 1886—1889 гг., связанное с именем генерала Буланже, который вместе со своими сторонниками развернул демагогическую шовинистическую и реваншистскую агитацию с целью подготовки государственного переворота и восстановления монархии. Достигнув своего апогея на рубеже 1888—1889 гг., движение быстро пошло на убыль, после того как Буланже, уличенный в тайных связях с монархистами, бежал за пределы Франции.— 2, 67.

³⁸² Публикуемые воспоминания Н. С. Русанова о встрече с Энгельсом составляют часть VII главы его книги «В эмиграции», вышедшей в Москве в 1929 г.— 2, 68.

³⁸³ В. Либкнехт пригласил П. Л. Лаврова сотрудничать в газете «Vorwärts» в письме к нему от 21 октября 1890 г. В 1891—1892 гг. на страницах этой газеты было опубликовано около 15 статей Лаврова о политическом положении и революционном движении в России.— 2, 68.

³⁸⁴ Подразумевается передовая статья «Die Hungersnoth in Rußland» («Голод в России»), напечатанная в газете «Vorwärts», 1891, 13 августа, № 187 за подписью Иван Сергеевский.— 2, 69.

III

П. В. Анненков

Из очерка «Замечательное десятилетие»

4

Г. А. Лопатин о своих встречах с Марксом

11

Из записи беседы с Г. А. Лопатиным
от 3 ноября 1913 года

16

Г. А. Лопатин

Каждому свое

17

Д. И. Риттер

Из воспоминаний «Житейские встречи»

20

М. М. Ковалевский

Из статьи

«Мое научное и литературное скитальчество»

22

М. М. Ковалевский

Встречи с Марксом

28

* Воспоминания, впервые включенные в состав сборника, помечены одной звездочкой; впервые публикуемые на русском языке — двумя звездочками. *Ред.*

Н. А. Морозов

Поездка к Карлу Марксу

44

Н. А. Морозов

Карл Маркс и «Народная воля»
в начале 80-х годов

51

Г. В. Плеханов

Из статьи «Первые шаги
социал-демократического движения в России»

59

Г. В. Плеханов

Из статьи «Бернштейн и материализм»

65

** П. Б. Аксельрод*

Из воспоминаний

66

Н. С. Русанов

Мое знакомство с Энгельсом

68

А. М. Воден

Из воспоминаний

78

Ш. Раппопорт

Воспоминания о Фридрихе Энгельсе

96

Р. М. Плеханова

Из рукописи «Моя жизнь»

101

* П. Д. Боборыкин

Из книги «Столицы мира.
(Тридцать лет воспоминаний)»

105

Ф. М. Кравчинская

О встречах с Фридрихом Энгельсом

107

Ф. М. Кравчинская

Из воспоминаний

113

IV

** Стефан Борн

Из книги «Воспоминания участника
революции 1848 г.»

118

** Себастьян Зейлер

Из книги «Восстание 13 июня 1849 г.,
или Последняя победа буржуазии во Франции»

126

Альфред Мейснер

Из книги «История моей жизни»

128

Джордж Джулиан Гарни

Об Энгельсе

133

Теодор Фридрих Куно

Из воспоминаний

135

Франциска Кугельман

Несколько штрихов к характеристике
великого Маркса

159

Ансельмо Лоренцо

Из книги «Борющийся пролетариат»

196

*** Вильгельм Блос*

Из книги «Воспоминания социал-демократа»

201

*** Вильгельм Блос*

Карл Маркс как человек
(Письмо редактору журнала «Die Glocke»)

205

Юлиус Вальтер

Карл Маркс

208

Джон Суинтон

Воспоминания о Карле Марксе

210

Эрнест Белфорт Бакс

Из книги «Воспоминания и размышления»

215

Марианна Комин

Мои воспоминания о Карле Марксе

219

*** Карл Каутский*

Воспоминания о Марксе и Энгельсе
(Из книги «Переписка Фридриха Энгельса
с Карлом Каутским»)

231

**** Леонард Таушер**

В годы исключительного закона
против социалистов

248

**** Конрад Шмидт**

Воспоминания о Фридрихе Энгельсе

252

**** И. Йенсен**

Воспоминания о встречах с Энгельсом

257

Шарль Виктор Жаклар

Из статьи «Международный
социалистический конгресс в Цюрихе»

260

Лили Браун

Из книги «Мемуары социалистки»

263

Карл Штейнгардт

Моя встреча с Фридрихом Энгельсом

265

Макс Бер

Из книги

«Пятьдесят лет международного социализма»

269

Примечания

276

Указатель имен

335

Указатель периодических изданий

383